

**Р е д и а р д
К и п л и н г**

СТИХИ

**В переводах
Георгия Бена и Василия Бетаки**

Париж, 1986

*Памяти Татьяны Григорьевны ГНЕДИЧ,
создателя современной школы поэтического
перевода в России и редактора значительной
части текстов этого сборника.*

RUDYARD
KIPLING

POEMS

**Р е д и а р д
К и п л и н г**

СТИХИ

**В переводах
Георгия Бена и Василия Бетаки**

Париж, 1986

Гамлет с мечом Фортиnbrаса

*Стерпи, когда твои слова корежа,
Плут мастерит капкан для дураков,
Когда всё то, на что твой век положен,
Вновь собирать ты должен из кусков.*

*Сумей рискнуть, поставив на кон слова
Весь выигрыш — и только для того,
Чтоб проиграть и не единым словом
Не выдать сожаленья своего!*

Р. Киплинг. «Если...»

Само появление Киплинга в литературе вызвало в мецанских кругах возмущение и скандал, сравнимые лишь с теми, какие произвел за век до того Джордж Байрон. И по тем же причинам: тот же романтический гимн свободной личности, ненависть к снобизму и высокий гуманизм, не удовлетворяющийся ни широковещательной декларацией, ни слезливой фразой.

Поэтический враг № 1 — вот официальное положение Редиарда Киплинга в СССР.

Что касается русской поэзии, то влияние Киплинга на нее сравнимо опять же только с влиянием Байрона. Думается, влияние Киплинга даже сильнее — ведь Байрон был всегда доступен русской читающей публике, и ни александровская, ни даже николаевская цензура и не думали его за-

прещать. А Киплинг? Кроме «Маугли» да еще нескольких прозаических произведений, у нас не издают ничего. Вышедшая в год смерти поэта маленькая книжка его стихов была в СССР единственной.* И хотя туда вошли некоторые из лучших его стихотворений — «Мери Глостер», «Пыль», «Заповедь», но всё же подбор был крайне тенденциозен. Исказив лицо поэта, книжка, по сути, была призвана лишь иллюстрировать ложные концепции предисловия — верней, объемистой статьи, где поэт охарактеризован как певец ницшеанского индивидуализма, антидемократ, как поэт, идеализирующий звериное начало в людской душе...

Разберемся в этих обвинениях.

Посмотрим, каким способом они доказываются.

Одна из самых знаменитых баллад Киплинга — «Баллада о Западе и Востоке». Ее-то, верней, только начало ее, всегда цитируют, когда хотят обвинить поэта сразу и в расизме и в ницшеанском восхвалении «белокурой бестии». Вот как звучит это начало в переводе Е. Полонской, в котором оно и стало благодарным материалом для цитатчиков:

Запад есть запад, Восток есть восток, и с места
они не сойдут (?)

Пока не предстанут небо с землей на страшный
Господень Суд.

Но нет Востока и Запада нет, что — племя, родина,
род,

Если сильный с сильным лицом к лицу у края
земли встает.

(Выделено мной. — В. В.).

Вот так. И те, кто помнят этот отрывок целиком, обвиняют поэта в «космополитизме», кто помнит наполовину — в расизме, а кому не лень — и в том и другом одновременно.

А всё потому, что в литературе соцреализма открыли (хотя вслух об этом и не говорят) новый метод перевода — перевод идеологический! «Что — племя, родина, род» — выдумка переводчицы именно в целях такого идеологического перевода, желание приписать автору то, чего он не говорил.

* За последние годы, кроме полптома в БВЛ, издано еще кое-что (В.Б.)

В подлиннике читаем эту строку так: But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth. Итак, слово «родина» появилось тут в переводе с той же целью, с какой убрано слово «граница», а конкретные «племя» и «род» поставлены вместе, чтобы у читателя вызвать пренебрежительное чувство (по ассоциации с русской поговоркой «ни роду, ни племени»). Ибо слово Birth имеет куда более широкий, более общий смысл.

Теперь попробуем передать эти строки по-русски так, чтобы их суть была наиболее адекватна той, которая мыслилась автором. Получаем:

Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток, им не
сойтись никогда
До самых последних дней земли, до Страшного
Суда,
Но нет ни Востока, ни Запада, ни границы, ни
расы нет,
Если двое сильных — лицом к лицу, будь они хоть
с разных планет!

При правильном прочтении может остаться лишь обвинение в индивидуализме, но, во-первых, в таком случае надо предъявить его заодно и Пушкину, и Лермонтову, и Баратынскому, и Блоку... Впрочем, придется перечислить всех русских, — а может быть, всех поэтов в мире, по крайней мере всех, кто так или иначе связан с понятием романтизма; а поскольку поэзия, чуждая этому явлению, видимо, и вообще не существует, то претензия снимается сама собой.

Намеренное смешивание индивидуализма («плохое» слово) с замалчиваемым в советском языке термином «персонализм» — тоже лингвистико-идеологический ход. Это для того, чтобы изобразить Киплинга певцом жестокостей — напомнить о «белокурой бестии» и, таким образом, косвенно связать его с геббельсовской идеологией. Поэтому от читателя утаиваются такие вещи, как баллада «Холодное Железо» — поэтическое ут-

верждение христианского гуманизма в его прямом, евангельском смысле. Романтические же баллады, где гремят мечи, врываются на палубы кораблей мрачные пираты, крадутся по диким тропам следопыты, — одинаково легко назвать и ограничительным горьковским полутермином «революционный, прогрессивный романтизм» и термином «нищешанство» — всё зависит от того, «наш» или «не наш» автор.

Слова Киплинга о том, что «цепью песен будет мир объединен», советская критика не замечает. Не укладываются они в портрет «империалиста».

Обвинение же в антидемократизме уже совсем никуда не лезет, ибо мало кто из поэтов так громогласно и недвусмысленно требовал от всего общества — прежде всего, от столичных снобов — уважения к простому человеку:

Мы — не фаланга героев, но также и не скоты,
Мы — люди из казармы, ничуть не хуже, чем ты!

«Томми Аткинс»

Гуманизм Киплинга — не благие пожелания, которыми набит битком герб его сатиры — лондонский мещанин Томлинсон. Того, как известно, ни ад, ни рай не приняли: «Ты читал, ты слышал, ты мечтал, — молвил он — и речь полна суеты, но во имя тела, что было твоим, скажи мне, что сделал ты?» — так говорит Св. Петр у врат Рая. А дьявол у врат ада ставит следующий диагноз этому «вору, укравшему человеческий наряд»: «Ты не дух и не гном, — так дьявол сказал, — и не книжка ты и не скот, иди-ка влезь в свою прежнюю плоть, не позорь ты земной народ!» Так вот этот Томлинсон — гуманист ровно в той степени, какую разрешается называть социалистическим гуманизмом: полное отсутствие личности — всегда залог коллективизма, стадности. Такой «гуманист» хлопот не доставит, он не личность, он только член коллектива, винтик, нуль.

А гуманизм Киплинга — не мечты, а действие. Ибо добро без силы чаще всего оборачивается злом, или попустительством злу. Идеал поэта — Гамлет, но не бессильно гибнущий, а Гамлет с мечом Фортинбраса, как я назвал бы это явление. И меч этот — искусство. Свобода творчества — одна из главных тем Киплинга. На пушкинское «волквы не боятся могучих владык и княжеский дар им не нужен» Киплинг как бы отзывается «Балладой о верном Томасе», герой которой, великий бард, смеется над королем, предлагающим ему, поэту, рыцарское звание за его песни. Тема свободы творчества выражена в виде точно сформулированного «крело» в «Послании» к сборнику «Семь морей»

Эта же тема звучит и в знаменитой «Песне банджо».

Но свобода в поэзии Киплинга не ограничивается темой творчества. Она — естественное право человека. В философском понимании свободы Киплинг близок к Н. Бердяеву (тезис о несотворенности свободы). Персонализм звучит и в прозе Киплинга — в частности, широко известная «Книга джунглей», где и в прозе и в стихах эта тема нашла свое отражение: персонализму волков, каждый из коих — личность, противопоставляется коллектив, стадо обезьяньего племени, вопящего о великих делах и ничего не свершающего, или другой «коллектив» — стая красных волков с Декана, где каждая особь заменима другой, где каждая особь — только челюсть коллективной силы (о людях сказали бы — винтик). Эта стая — символ дикой орды, хлынувшей с Востока на мир христианской, персоналистической культуры — пророческий образ.

Смысл восточной тематики Киплинга — опять же свобода: косной серости городской жизни (как у Пушкина — «неволя душных городов») противопоставлен мир, обычаи которого надо понять, уважать, ибо человек, живущий в естественных условиях, куда более цельная личность. В стихотворении «Мандалей» поэт отворачивается от сто-

личных женщин, которые «любви не зная, любят лишь болтать о ней». Его тянет в иной, свободный мир, где все чувства так же ярки, как природа.

И неслучайно символ искусства, ведущего человеческую душу по всем путям и тропам жизни, — банджо, инструмент, рожденный в любимой Кипплингом Индии, колыбели европейских народов. «Прометей, украв, держал меня в огне, мой железный гриф и струны закалив».

Железный гриф этого банджо нередко издавал звуки пророческие. В 1918 году Кипплинг написал стихотворение «Россия — пацифистам», в котором говорит от имени советского государства, издаваясь над тогдашними британскими сторонниками «детанта». Эти стихи, разумеется, не переводились на русский язык никогда, как, впрочем, девять десятых всей поэзии Кипплинга. Тем более удивительно, что Кипплинг оказал такое огромное влияние на современную русскую поэзию, и влияние это продолжается: Волошин, Гумилев, Тихонов, Багрицкий, Антокольский, Кедрин... Список этих поэтов, в той или иной степени испытавших влияние Кипплинга, можно продолжать и продолжать, и... мы увидим, что без Кипплинга трудно представить себе Галича, Окуджаву, Матвееву, Мореву, Высоцкого... Все они, так или иначе, соприкасаются с кипплинговской поэзией. Пусть не банджо, а гитара у них в руках, но неслучайно, что именно поэзия, напрямую связанная с музыкой, напоминает о том, что она —

песня истины, свободной от оков,
песня чуда, песня юности навек!

Василий БЕТАКИ

PRELUDE

(To "Departmental Ditties")

*I have eaten your bread and salt.
I have drunk your water and wine.
The deaths ye died I have watched beside,
And the lives ye led were mine.*

*Was there aught that I did not share
In vigil or toil or ease,—
One joy or woe that I did not know,
Dear hearts across the seas?*

*I have written the tale of our life
For a sheltered people's mirth,
In jesting guise—but ye are wise,
And ye know what the jest is worth.*

ВСТУПЛЕНИЕ
к "Департаментским песням"

*Я делил с вами хлеб и соль,
Вашу воду и водку пил,
Я с каждым из вас умирал в его час,
Я вашей жизнью жил.*

*Что осталось из вашей судьбы
В стороне от жизни моей?
Ни в тяжком труде, ни в горькой беде
За волнами семи морей?*

*Я так нашу жизнь описал,
Что людей забавлял мой рассказ...
Только мы с вами знаем, что шутка дурная:
Веселого мало для нас!*

WHEN 'Omer smote 'is bloomin' lyre,
He'd 'eard men sing by land an' sea;
An' what he thought 'e might require,
'E went an' took—the same as me!

The market-girls an' fishermen,
The shepherds an' the sailors, too,
They 'eard old songs turn up again,
But kep' it quiet—same as you!

They knew 'e stole; 'e knew they knowed.
They didn't tell, nor make a fuss,
But winked at 'Omer down the road,
An' 'e winked back—the same as us!

Гомер сломал и бросил лиру,
А песнь, что пели все края,
Он просто спер на радость миру -
Пришел и взял! Совсем как я !

Матросы, девки на базарах,
В шуршаньи ветра, волн, травы
Узнав напевы песен старых,
Смолчали - ну совсем, как вы!

Что спер - то спер! Он знал, что знали.
Но - ни контрактов, ни тюрьмы:
Все заговорщицки мигали,
А он - в ответ... Совсем как мы.

IN THE NEOLITHIC AGE

IN THE Neolithic Age savage warfare did I wage
For food and fame and woolly horses' pelt.
I was singer to my clan in that dim, red Dawn of Man,
And I sang of all we fought and feared and felt.

Yea, I sang as now I sing, when the Prehistoric spring
Made the piled Biscayan ice-pack split and shove;
And the troll and gnome and dwerg, and the Gods of Cliff
and Berg
Were about me and beneath me and above.

But a rival, of Solutré, told the tribe my style was *outré*—
'Neath a tomahawk, of diorite, he fell.
And I left my views on Art, barbed and tanged, below the
heart
Of a mammothistic etcher at Grenelle.

Then I stripped them, scalp from skull, and my hunting-dogs
fed full,
And their teeth I threaded neatly on a thong;
And I wiped my mouth and said, "It is well that they are
dead,
"For I know my work is right and theirs was wrong."

But my Totem saw the shame; from his ridgepole-shrine he
came,
And he told me in a vision of the night:—
"There are nine and sixty ways of constructing tribal lays,
"And every single one of them is right!"
.

Then the silence closed upon me till They put new clothing
on me
Of whiter, weaker flesh and bone more frail;
And I stepped beneath Time's finger, once again a tribal
singer,
And a minor poet certified by Traill!

В ЭПОХУ НЕОЛИТА...

В кроманьонский дикий век вел я бой за устья рек,
За еду, за шкуры диких лошадей...
Я народным бардом стал, все, что видел, воспевал,
В этот сумрачно-рассветный Век Людей.

И все ту же песнь свою, что и нынче я пою,
Пел я той доисторической весной.
Лед уплыл в морской простор.

Гномы, тролли, духи гор
Были рядом и вокруг и надо мной.

Но соперник из Бовэ обозвал мой стиль "мовэ",
И его я томагавком критикнул,
Так решил в искусстве спор диоритовый топор
И граверу из Гренель Башку свернул.

Тот гравер был страшно дик: он на мамонтовый клык
Непонятные рисунки наносил!
Но хорошее копье понимание м о е
В сердце врезало ему по мере сил.

Снял я скальпы с черепов, накормил отменно псов,
Зубы критиков наклеив на ремни,
Я изрек, разинув пасть: "Им и надо было пасть:
Я ведь знаю, что халтурщики - они!

Этот творческий скандал идол-предок наблюдал,
И сказал мне, выйдя ночью из-под стрех,
Что путей в искусстве есть
семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни - лучше всех!

.....
Сколько почестей и славы! А боец-то был я слабый!
Времена мне указали путь перстом,
И меня называли снова "Бард Союза Племенного"
Хоть поэт я был посредственный при том.

Still they skirmish to and fro, men my messmates on the
snow,
When we headed off the aurochs turn for turn;
When the rich Allobrogenses never kept amanuenses,
And our only plots were piled in lakes at Berne.

Still a cultured Christian age sees us scuffle, squeak, and rage,
Still we pinch and slap and jabber, scratch and dirk;
Still we let our business slide—as we dropped the half-
dressed hide—
To show a fellow-savage how to work.

Still the world is wondrous large,—seven seas from marge to
marge—
And it holds a vast of various kinds of man;
And the wildest dreams of Kew are the facts of Khatmandhu,
And the crimes of Clapham chaste in Martaban.

Here's my wisdom for your use, as I learned it when the
moose
And the reindeer roamed where Paris roars to-night:—
“*There are nine and sixty ways of constructing tribal lays,
“And—every—single—one—of—them—is—right!*”

А другим - всю жизнь забота: то сраженья, то - охота,
Сколько зубров мы загнали - счету нет!
Сваи в озеро у Берна вбили первыми, наверно,
Жаль, что не было ни хроник ни газет!

Христианская эпоха нас изображает плохо:
Нет грязнее нас, крикливее и злей...
Только мы и дело знали: шкуры скоро поскидали
И работать научили дикарей!

Мир велик! И в синей раме замкнут он семью морями,
И на свете разных множество племен,
То, что в Дели неприлично, то в Рейкъявике обычно,
Из Гаваны не получится Сайгон!

Вот вам истина веков, знавших лишь лосиный рев
Там, где в наши дни - Парижа рев и смех:
Да, путей в искусстве есть семь и десять раз по шесть,
И любой из них для песни - лучше всех!

L'Envoi to "The Seven Seas"

WHEN Earth's last picture is painted and the tubes are
twisted and dried,
When the oldest colours have faded, and the youngest critic
has died,
We shall rest, and, faith, we shall need it—lie down for an
æon or two,
Till the Master of All Good Workmen shall put us to work
anew.

And those that were good shall be happy: they shall sit in a
golden chair;
They shall splash at a ten-league canvas with brushes of
comets' hair.
They shall find real saints to draw from—Magdalene, Peter,
and Paul;
They shall work for an age at a sitting and never be tired at
all!

And only The Master shall praise us, and only The Master
shall blame;
And no one shall work for money, and no one shall work for
fame,
But each for the joy of the working, and each, in his separate
star,
Shall draw the Thing as he sees It for the God of Things as
They are!

П О С Л А Н И Е
к сборнику "Семь морей"

Когда на последней картине земной
выцветет кисти след,
Засохнут все тюбики, и помрет
последний искусствовед,
Мы отдохнем десяток веков,
и вот, в назначенный час
Предвечный Мастер Всех Мастеров
за работу усадит нас.

Тогда будет каждый, кто мастером был,
на стуле сидеть золотом,
И по холстине в десяток миль
писать кометным хвостом.
Не чьи-то писать портреты -
Магдалину, Павла, Петра...
И не знать, что значит усталость
век за веком с утра до утра!

И только Мастер похвалит нас,
и упрекнет только он,
И никого тогда не прельстит
ни денег ни славы звон:
Лишь радость работы на новой звезде -
дано будет каждому там
Во имя Творца сотворить *свой* мир
таким, как видит он сам!

THE SONG OF THE BANJO

YOU couldn't pack a Broadwood half a mile—
You mustn't leave a fiddle in the damp—
You couldn't raft an organ up the Nile,
And play it in an Equatorial swamp.
I travel with the cooking-pots and pails—
I'm sandwiched 'tween the coffee and the pork—
And when the dusty column checks and tails,
You should hear me spur the rearguard to a walk!
With my "*Pilly-willy-winky-winky-popp!*"
[Oh, it's any tune that comes into my head!]
So I keep 'em moving forward till they drop;
So I play 'em up to water and to bed.

In the silence of the camp before the fight,
When it's good to make your will and say your prayer,
You can hear my *strumpty-tumpty* overnight,
Explaining ten to one was always fair.
I'm the Prophet of the Utterly Absurd,
Of the Patently Impossible and Vain—
And when the Thing that Couldn't has occurred,
Give me time to change my leg and go again.

With my "*Tumpa-tumpa-tumpa-tumpa-tump!*"
In the desert where the dung-fed camp-smoke curled.
There was never voice before us till I led our lonely
chorus,
I—the war-drum of the White Man round the world!

By the bitter road the Younger Son must tread,
Ere he win to hearth and saddle of his own,—
'Mid the riot of the shearers at the shed,
In the silence of the herder's hut alone—
In the twilight, on a bucket upside down,
Hear me babble what the weakest won't confess—
I am Memory and Torment—I am Town!
I am all that ever went with evening dress!

With my "*Tunka-tunka-tunka-tunka-tunk!*"
[So the lights—the London Lights—grow near and
plain!]
So I rowel 'em afresh towards the Devil and the Flesh,
Till I bring my broken rankers home again.

ПЕСНЬ БАНДЖО

Ты рояль с собой в поход не завернешь,
Нежной скрипке в мокрых джунглях не звучать,
Ты орган в верховья Нила не попрешь
Чтобы Баха бегемотам исполнять!
Ну а я - меж сковородок и горшкой,
между кофе и консервами торчу,
И под стук солдатских пыльных каблуков
Отстающих подгоняю и бренчу:

Тренди-бренди, тренди-бренди, тарарам...
Что втемяшится - бренчит само мобой!
Так наигрывая что-то в такт шагам,
Я зову вас на ночлег и водопой.

Дремлет лагерь перед боем в тишине.
Завещанье сочиняешь? Бог с тобой!
Объясню я, лишь прислушайся ко мне,
Что *для нас* один на десять - равный бой!
Я - пророк всего, что было искони
Невозможным! Бог нелепейших вещей!
Ну а если вдруг сбываются они -
Только дай мне ритм сменить - и в путь смелей!
Там-то, там-то, там-то там-то, там-то там,
Где кизячный дым над лагерем вдали,
Там пустыней в даль седую
одинокий хор веду я -
Боевой сигнал для белых всей земли!

Младший сын пройдет по горькому пути
И бесхитростный пастушеский бивак,
И сараи стригалей, где все в шерсти,
Чтоб иметь свое седло и свой очаг.
На бадейке перевернутой, в ночи
Я о том скажу, о чем молчишь ты сам...
Я ведь - память, мука, город... о, молчи -
Помнишь смокинг и коктейль по вечерам?
Танготанго, танго, танго, танго таннн...
В ясном блеске, в блеске лондонских огней...
Буду шпорою колоть их -
снова к дьяволу и к плоти,
Но верну домой надломленных детей!

In desire of many marvels over sea,
Where the new-raised tropic city sweats and roars,
I have sailed with Young Ulysses from the quay
Till the anchor rumbled down on stranger shores.
He is blooded to the open and the sky,
He is taken in a snare that shall not fail,
He shall hear me singing strongly, till he die,
Like the shouting of a backstay in a gale.

With my "*Hya! Heeya! Heeya! Hullah! Haul!*"
[Oh, the green that thunders aft along the deck!]
Are you sick o' towns and men? You must sign and
sail again,
For it's "Johnny Bowlegs, pack your kit and trek!"

Through the gorge that gives the stars at noon-day clear—
Up the pass that packs the scud beneath our wheel—
Round the bluff that sinks her thousand fathom sheer—
Down the valley with our guttering brakes asqueal:
Where the trestle groans and quivers in the snow,
Where the many-shedded levels loop and twine,
Hear me lead my reckless children from below
Till we sing the Song of Roland to the pine!

With my "*Tinka-tinka-tinka-tinka-tink!*"
[Oh, the axe has cleared the mountain, croup and crest!]
And we ride the iron stallions down to drink,
Through the cañons to the waters of the West!

And the tunes that mean so much to you alone—
Common tunes that make you choke and blow your nose—
Vulgar tunes that bring the laugh that brings the groan—
I can rip your very heartstrings out with those;
With the feasting, and the folly, and the fun—
And the lying, and the lusting, and the drink,
And the merry play that drops you, when you're done,
To the thoughts that burn like irons if you think.

With my "*Plunka-lunka-lunka-lunka-lunk!*"
Here's a trifle on account of pleasure past,
Ere the wit that made you win gives you eyes to see your
sin
And—the heavier repentance at the last!

В дальний край, где из тропических морей
Новый город встал, потя и рыча,
Вез меня какой-то юный одиссей,
И волна мне подпевала клокоча.
Он отдаст морям и небу кровь свою,
И, захлеснут горизонтом, как петлей,
Он до смерти будет слышать песнь мою,
Словно в вантах ветра зымученный вой:
 Волны, волны, волны, волны, волны - во!
 И зеленый грохот мачту лупит в бок...
 Если город - это горе,
 что ж, вздохни - и снова в море!
 Помнишь песню "Джонни, где твой сундучок?"

В пасть лощин, где днем мерцают звезд глаза,
Где обрывки туч летят из-под колес,
Где рипят-визжат на спусках тормоза -
За окном тысячефутовый утес,
Где гремят и стонут снежные мосты,
Где петляет в скалах змей стальных дорог,
Бесшабашных я зову, чтоб с высоты
Черным соснам протрубить в Роландов рог:
 Пойте, пойте, пойте, пойте, пойте, пойте,
 В гривах гор топор, и просеки путей!
 Гнать железных жеребцов на водопой
 По ущельям, к волнам Западных морей!

Звон мой - думаешь, он - часть твоей души?
Всем доступен он, банальнейший трень-брень,
Ни смеяться, ни сморкаться - не спеши:
Он терзает струны сердца каждый день!
То дурачит, то печалит, то смешит.
То ли пьянка, то ли похоть, то ли ложь...
Так назойливой мелодией звучит,
Жжется память, от которой не уйдешь!
 Только, только, только, только так!
 Пустяковая расплата за тобой?
 Погоди, не веселись: вспомни все и оглянись -
 И раскаянье навалится горой!

Let the organ moan her sorrow to the roof—
I have told the naked stars the Grief of Man!
Let the trumpet snare the foeman to the proof—
I have known Defeat, and mocked it as we ran!
My bray ye may not alter nor mistake
When I stand to jeer the fatted Soul of Things,
But the Song of Lost Endeavour that I make,
Is it hidden in the twanging of the strings?

With my "*Ta-ra-rara-rara-ra-ra-rrrrp!*"

[Is it naught to you that hear and pass me by?]
But the word—the word is mine, when the order moves
the line

And the lean, locked ranks go roaring down to die!

The grandam of my grandam was the Lyre—
[Oh, the blue below the little fisher-huts!]
That the Stealer stooping beachward filled with fire,
Till she bore my iron head and ringing guts!
By the wisdom of the centuries I speak—
To the tune of yestermorn I set the truth—
I, the joy of life unquestioned—I, the Greek—
I, the everlasting Wonder-song of Youth!

With my "*Tinka-tinka-tinka-tinka-tink!*"

[What d'ye lack, my noble masters! What d'ye lack?]
So I draw the world together link by link:

Yea, from Delos up to Limerick and back!

Пусть орган под самый свод возносит боль -
Я взметну тоску людскую до звезды!
Пусть врага зовет труба на смертный бой -
Я бегу, смеясь меж бегства и беды!
Резкий выкрик мой не спутаешь ни с чем:
Неоконченная песнь надежд былых,
Издательство над сущностью вещей
Скрыто в голосе гнусавых струн моих!

День ли, день ли, день ли, день ли, день - да мой!
Кто послушает, а кто и прочь пойдет,
Но останется за мной снова слово, если в бой
Рота пушечного мяса на смерть прет!

Лира древних прародительница мне!
О, рыбачий берег, солнечный залив!
Прометей украв, держал ее в огне,
Мой железный гриф и струны закалил -

И во мне запела мудрость всех веков!
Я - пеан бездумной жизни, древний грек,
Песня истины, свободной от оков,
Песня чуда, песня юности навек!

Я звеню, звеню, звеню, звеню, звеню...
Тот ли тон, о, господин мой, тот ли тон?
Цепью Делос - Лимерик, звено к звену,
Цепью песен будет мир объединен!

THE LAW OF THE JUNGLE

*N*OW this is the Law of the Jungle—as old and as true as
the sky;
And the Wolf that shall keep it may prosper, but the Wolf that
shall break it must die.

*As the creeper that girdles the tree-trunk the Law runneth
forward and back—
For the strength of the Pack is the Wolf, and the strength of the
Wolf is the Pack.*

Wash daily from nose-tip to tail-tip; drink deeply, but never
too deep;
And remember the night is for hunting, and forget not the
day is for sleep.

The Jackal may follow the Tiger, but, Cub, when thy
whiskers are grown,
Remember the Wolf is a hunter—go forth and get food of
thine own.

Keep peace with the Lords of the Jungle—the Tiger, the
Panther, the Bear;
And trouble not Hathi the Silent, and mock not the Boar in
his lair.

When Pack meets with Pack in the Jungle, and neither will
go from the trail,
Lie down till the leaders have spoken—it may be fair words
shall prevail.
When ye fight with a Wolf of the Pack, ye must fight him
alone and afar,
Lest others take part in the quarrel, and the Pack be
diminished by war.

The Lair of the Wolf is his refuge, and where he has made
him his home,
Not even the Head Wolf may enter, not even the Council
may come.

The Lair of the Wolf is his refuge, but where he has dug it
too plain,
The Council shall send him a message, and so he shall change
it again.

If ye kill before midnight, be silent, and wake not the woods
with your bay,
Lest ye frighten the deer from the crops, and the brothers go
empty away.

Ye may kill for yourselves, and your mates, and your cubs
as they need, and ye can;
But kill not for pleasure of killing, and *seven times never kill
Man!*

If ye plunder his Kill from a weaker, devour not all in thy
pride;
Pack-Right is the right of the meanest; so leave him the head
and the hide.

The Kill of the Pack is the meat of the Pack. Ye must eat
where it lies;
And no one may carry away of that meat to his lair, or he dies.

The Kill of the Wolf is the meat of the Wolf. He may do
what he will,
But, till he has given permission, the Pack may not eat of that
Kill.

Cub-Right is the right of the Yearling. From all of his Pack
he may claim
Full-gorge when the killer has eaten; and none may refuse
him the same.

Lair-Right is the right of the Mother. From all of her year
she may claim
One haunch of each kill for her litter; and none may deny
her the same.

Cave-Right is the right of the Father—to hunt by himself
for his own:
He is freed of all calls to the Pack; he is judged by the
Council alone.

Because of his age and his cunning, because of his gripe and
his paw,
In all that the Law leaveth open, the word of the Head Wolf
is Law.

Если охотишься вечером -
Молча добычу бей:
Братьям ночную охоту срывать
Воем хвастливым не смей!

Для себя, для волчат, для самки
Бей добычу, но проклят тот,
Кто убил для забавы - и паче,
Кто человека убьет!

Если ограбишь слабого -
Все до конца не съедай:
Жадности стая не любит:
Рожки да ножки отдай!

Добыча Стаи - для Стаи:
Ешь ее там, где лежит,
А кто хоть клочек унесет с собой -
Немедля будет убит!

Добыча Волка - для Волка:
Ему и мясо и честь.
Без разрешения Волка
Другие не смеют есть!

Право волченка-подростка
У любого кусок попросить:
Каждый, убивший добычу
Должен его накормить!

Право семьи - за Волчицей:
Любой из ее сыновей
От каждой добычи долю
Для младших приносит ей.

Право Пещеры - за Волком:
Отделившись от Стаи в свой час
Он только Совету подсуден,
А братья ему не указ!

За возраст, за мудрость, за силу,
За четыре крепких клыка
Во всем, что Закон не предвидел,
Закон - приказ Вожака!

*Now these are the Laws of the Jungle, and many and mighty are
they;
But the head and the hoof of the Law and the haunch and the
hump is—Obey!*

Вот вам Законы Джунглей.
Все их - не счесть никому,
Но сердце Закона,
и лапа Закона,
и зубы Закона -
В одном: повинуйся ему!

THE LADIES

I 've taken my fun where I've found it;
I've rogued an' I've ranged in my time;
I've 'ad my pickin' o' sweethearts,
An' four o' the lot was prime.
One was an 'arf-caste widow,
One was a woman at Promé,
One was the wife of a *jemadar-sais*,¹
An' one is a girl at 'ome.

*Now I aren't no 'and with the ladies,
For, takin' 'em all along,
You never can say till you've tried 'em,
An' then you are like to be wrong.
There's times when you'll think that you mightn't,
There's times when you'll know that you might;
But the things you will learn from the Yellow an' Brown,
They'll 'elp you a lot with the White!*

I was a young un at 'Oogli,
Shy as a girl to begin;
Aggie de Castrer she made me,
An' Aggie was clever as sin;
Older than me, but my first un—
More like a mother she were—
Showed me the way to promotion an' pay,
An' I learned about women from 'erl

Then I was ordered to Burma,
Actin' in charge o' Bazar,
An' I got me a tiddy live 'eathen
Through buyin' supplies off 'er pa.
Funny an' yellow an' faithful—
Doll in a teacup she were—
But we lived on the square, like a true-married pair,
An' I learned about women from 'erl

Then we was shifted to Neemuch
(Or I might ha' been keepin' 'er now),
An' I took with a shiny she-devil,
The wife of a nigger at Mhow;
'Taught me the gipsy-folks' *bolee*;¹
Kind o' volcano she were,
For she knifed me one night 'cause I wished she was
white,
And I learned about women from 'erl

ЖЕНЩИНЫ

Я развлекался, где можно,
И я навидался всего.
Я баб перепробовал кучу,
Но четверо были - вот
Сперва - вдова-полукровка,
Туземка из Проме - потом,
А после жена джемадара
И девченка в Мируте родном.

Теперь с меня хватит женщин,
Я-то знаю, с чем их жуют:
Не попробовав, их не раскусишь,
А попробуешь - проведут.
Часто думаешь, чорт их поймет ли!
Часто чувствуешь, :понял, небось!
Но если прошел ты и черных и желтых,
То белых видишь насквозь!

Я юнцом встретих бабу в Хугли:
Всем начать бы с такой, как она!
Ее звали Эгги де Кастро -
Вот, шлюха, была умна!
Она была тертая баба
И ко мне относилась как мать:
Учила как жить, как деньгу зашибить,
Научила баб понимать!

После в Бирме я раз на базаре
Закупал провиант для полка,
И там подцепил девченку
Возля лавки отца-старика.
Желтокожая, бойкая штучка,
Просто кукла - ни дать ни взять!
И была мне верна - ну, чисто жена:
Научила баб понимать!

А потом нас отправили в Намту -
А то б я с ней жил и теперь! -
Там я склеил жену негритоса -
Не девка, а просто зверь!
Как-то раз меня дернуло сдуру
Черномазой ее назвать,
Так пырнула ножом - ей-то все нипочем!
Научила баб понимать...

Then I come 'ome in a trooper,
'Long of a kid o' sixteen—
'Girl from a convent at Meerut,
The straightest I ever 'ave seen.
Love at first sight was 'er trouble,
She didn't know what it were;
An' I wouldn't do such, 'cause I liked 'er too much,
But—I learned about women from 'er!

I've taken my fun where I've found it,
An' now I must pay for my fun,
For the more you 'ave known o' the others
The less will you settle to one;
An' the end of it's sittin' and thinkin',
An' dreamin' Hell-fires to see;
So be warned by my lot (which I know you will not),
An' learn about women from me!

*What did the Colonel's Lady think?
Nobody never knew.
Somebody asked the Sergeant's Wife,
An' she told 'em true!
When you get to a man in the case,
They're like as a row of pins—
For the Colonel's Lady an' Judy O'Grady
Are sisters under their skins!*

Я домой рядовым вернулся,
Уже повидавши свет,
И связался с зеленой девченкой,
Монашкой шестнадцати лет.
Ей бы все - любовь с первого взгляда,
Я ж не мастер на месяц вздыхать.
Я ее пожалел - обижать не хотел:
Научился баб понимать!

Да, уж я-то побаловал славно -
И вот чего стало со мной:
Чем больше ты баб перепробовал,
Тем меньше ты льнешь к одной,
Так-то я загубил свою душу,
Что теперь жалеть да вздыхать?
Жизнь моя вам урок, -хоть он, чай, и не впрок:
Научитесь баб понимать!

У жены полковника что на уме?
Чорт знает, ни то ни се!
А спросите жену сержанта -
Она вам выложит все.
Но как ни крути, коль доходит до нас,
Мужики-то каждой нужны:
Полковничья леди и Джуди О'Греди
Под платьями все равны!

“FOR TO ADMIRE”

THE Injian Ocean sets an' smiles
So sof', so bright, so bloomin' blue;
'There aren't a wave for miles an' miles
Excep' the jiggle from the screw.
The ship is swep', the day is done,
The bugle's gone for smoke and play;
An' black ag'in the settin' sun
The Lascar sings, “*Hum deckty hail!*”

*For to admire an' for to see,
For to be'old this world so wide—
It never done no good to me,
But I can't drop it if I tried!*

I see the sergeants pitchin' quoits,
I 'ear the women laugh an' talk,
I spy upon the quarter-deck
The ofricers an' lydies walk.
I thinks about the things that was,
An' leans an' looks acrost the sea,
Till, spite of all the crowded ship,
There's no one lef' alive but me.

The things that was which I 'ave seen,
In barrick, camp, an' action too,
I tells them over by myself,
An' sometimes wonders if they're true;
For they was odd—most awful odd—
But all the same, now they are o'er,
There must be 'eaps o' plenty such,
An' if I wait I'll see some more.

Oh, I 'ave come upon the books,
An' frequent broke a barrick-rule,
An' stood beside an' watched myself
Be'avin' like a bloomin' fool.
I paid my price for findin' out,
Nor never grutched the price I paid,
But sat in Clink without my boots,
Admirin' 'ow the world was made.

" МИР ТАК ХОРОШ "

Чертовски синий и красивый
Лежит Индийский океан;
Он под винтом кипит бурливо,
А дальше - гладкий, как лиман.
Закат - что зарево пожара,
И против гаснущих лучей
На мачте силуэт ласкара
Во тьме поет "Хем декти дей!"

*Мир так хорош и так широк,
Гляжу - и все не наглядется!
Он, может статься, и жесток -
Но от него куда мне деться?*

Бренчит рояль внизу в каюте,
На шканцах юнги дуют в скат,
И офицерики на юте
До ночи с бабами галдят.
Я жизнь свою припоминаю
И хоть на шумном корабле,
Сам про себя воображаю,
Что я один на всей земле.

Немало я бродил по свету:
В походах был и на войне...
Порой я думаю, все это
Не померещилось ли мне?
Я повидал чудес, ей богу,
И попадал я в переплет.
Теперь - конец... А может, много
Еще меня напастей ждет?

Любил я книжки да журналы,
А вот уставов не читал,
Затто от моего капрала
Нарядов прорву получал.
Хоть я бывал в дурацком виде,
Во мне к капралу злобы нет:
И на губе в портянках сидя,
Я думал, как устроен свет.

Be'old a cloud upon the beam,
An' 'umped above the sea appears
Old Aden, like a barrick-stove
That no one's lit for years an' years.
I passed by that when I began,
An' I go 'ome the road I came,
A time-expired soldier-man
With six years' service to 'is name.

My girl she said, "Oh, stay with mel"
My mother 'eld me to 'er breast.
They've never written none, an' so
They must 'ave gone with all the rest—
With all the rest which I 'ave seen
An' found an' known an' met along.
I cannot say the things I feel,
And so I sing my evenin' song:

*For to admire an' for to see,
For to be'old this world so wide—
It never done no good to me,
But I can't drop it if I tried!*

Вон под закатными лучами
Вдали горбатый Аден встал,
Как печь в казарме, где годами
Никто огня не разжигал.
Мне эти берега знакомы,
Я ту проплыл шесть лет назад,
И вновь плыву - теперь уж к дому,
В запас уволенный солдат.

"Я буду ждать", сказала Лалли,
К груди меня прижала мать...
Они мне писем не писали:
Чай, обе померли - как знать?
Что ж, я видал, как люди мерли -
В казарме, в лагере, в бою...
О, черт, першит чего-то в горле!
Чем думать, лучше я спою:

*Мир так хорош и так широк,
Гляжу - и все не наглядеться!
Он, может статься, и жесток -
Но от него куда мне деться?*

MANDALAY

BY THE old Moulmein Pagoda, lookin' lazy at the sea,
There's a Burma girl a-settin', and I know she thinks o'
me;
For the wind is in the palm-trees, and the temple-bells they
say:
"Come you back, you British soldier; come you back to
Mandalay!"
Come you back to Mandalay,
Where the old Flotilla lay:
Can't you 'ear their paddles chunkin' from Rangoon
to Mandalay?
On the road to Mandalay,
Where the flyin'-fishes play,
An' the dawn comes up like thunder outer China
'crost the Bay!

'Er petticoat was yaller an' 'er little cap was green,
An' 'er name was Supi-yaw-lat—jes' the same as Theebaw's
Queen,
An' I seed her first a-smokin' of a whackin' white cheroot,
An' a-wastin' Christian kisses on an' 'eathen idol's foot:
Bloomin' idol made o' mud—
Wot they called the Great Gawd Budd—
Plucky lot she cared for idols when I kissed 'er
where she stud!
On the road to Mandalay . . .

When the mist was on the rice-fields an' the sun was droppin'
slow,
She'd git 'er little banjo an' she'd sing "*Kulla-lo-lo!*"
With 'er arm upon my shoulder an' 'er cheek agin my
cheek
We useter watch the steamers an' the *hathis* pilin' teak.
Elephints a-pilin' teak
In the sludgy, squidgy creek,
Where the silence 'ung that 'eavy you was 'arf afraid
to speak!
On the road to Mandalay . . .

But that's all shove be'ind me—long ago an' fur away,
An' there ain't no 'buses runnin' from the Bank to Mandalay;
An' I'm learnin' 'ere in London what the ten-year soldier
tells:
"If you've 'eard the East a-callin', you won't never 'eed
naught else."

МАНДАЛЕЙ

Смотрит пагода Мультмейна на залив над ленью дня.
Там бирманская девченка, верно, помнит про меня.
Колокольчики лопочут в гуще пальмовых ветвей:
Возвращайся, Томми Аткинс, возвращайся в Мандалей!

Возвращайся в Мандалей,
Слышишь - тихий скрип рулей,
Слышишь - мерно плещут плиты
Из Рангуна в Мандалей,
И летучих рыбок стаи залетают выше рей,
И рассвет, как гром внезапно
Валится из-за морей!

В шляпке плоской и зеленой, в юбке, желтой, как заря...
Супи-Явлат ее звали - точно, как жену Царя!
Жгла она какой-то ладан, лбом ложилась на порог,
Даже ногу целовала у статуя без сапог!

А статуя там народ
Богом Буддью зовет...
Я поцеловал девченку:
Лучше я, чем идол тот
На дороге в Мандалей!

А когда катилось солнце в сырость рисовых полей,
Мне она, бренча на банджо, напевала "Кулла-лей"
Обнял я ее за плечи, и вдвоем, щека к щеке
Мы пошли смотреть, как хатис грузят бревна на реке.

Хатис - серые слоны -
Тик весь день грузить должны.
Тут боишься, как бы шепот не нарушил тишины
На дороге в Мандалей...

Жаль, что это все осталось только в памяти моей,
Жаль, что омнибус от Банка не доходит в Мандалей,
Только в Лондоне я понял - прав был мой капрал тогда:
Кто расслышал зов Востока - тот отравлен навсегда!

No! you won't 'eed nothin' else
But them spicy garlic smells,
An' the sunshine an' the palm-trees an' the tinkly
temple-bells;
On the road to Mandalay . . .

I am sick o' wastin' leather on these gritty pavin'-stones,
An' the blasted English drizzle wakes the fever in my bones;
Tho' I walks with fifty 'ousemaids outer Chelsea to the
Strand,
An' they talks a lot o' lovin', but wot do they understand?
Beefy face an' grubby 'and—
Law! wot do they understand?
I've a neater, sweeter maiden in a cleaner, greener
land!
On the road to Mandalay . . .

Ship me somewheres east of Suez, where the best is like the
worst,
Where there aren't no Ten Commandments an' a man can
raise a thirst;
For the temple-bells are callin', an' it's there that I would be—
By the old Moulmein Pagoda, looking lazy at the sea;
On the road to Mandalay,
Where the old Flotilla lay,
With our sick beneath the awnings when we went
to Mandalay!
O the road to Mandalay,
Where the flyin'-fishes play,
An' the dawn comes up like thunder outer China
'crosst the Bay!

Вьестся в душу на века
Острый запах чеснока,
Это солнце, эти пальмы, колокольчики, река
По дороге в Мандалей...

Моросит английский дождик, пробирает до костей,
Я устал стирать подошвы по булыжникам аллей,
Шляйся с горничными в Челси от моста и до моста -
О любви болтать горазды, а понять - так ни черта!

Росбиф рож, башка пуста,
Не понять им ни черта!
Да, вот то была девченка!
Да и зелень так густа
По дороге в Мандалей!

Там, *к востоку от Суэца*, где равны добро и зло,
Десять заповедей к чорту вместе с виски унесло!
Колокольчики лопочут, тонкий звон зовет меня
К старой пагоде Мультмейна, дремлющей над ленью дня

По дороге в Мандалей...
Помню тихий скрип рулей,
Как валялись мы под тентом
Всю дорогу в Мандалей,
Там летучих рыбок стаи залетают выше рей,
И рассвет, как гром внезапный
Валится из-за морей!

THE RECALL

I AM the land of their fathers.
In me the virtue stays.
I will bring back my children,
After certain days.

Under their feet in the grasses
My clinging magic runs.
They shall return as strangers.
They shall remain as sons.

Over their heads in the branches
Of their new-bought, ancient trees,
I weave an incantation
And draw them to my knees.

Scent of smoke in the evening,
Smell of rain in the night—
The hours, the days and the seasons,
Order their souls aright,

Till I make plain the meaning
Of all my thousand years—
Till I fill their hearts with knowledge,
While I fill their eyes with tears.

ЗОВ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я была землю их предков,
Во мне - истоки добра.
Своих детей верну я,
Когда настанет пора.

Под их сапогами в травах
Песня звучит моя.
Придут они, как чужестранцы,
Придут они, как сыновья.

Над их головами кроны
В краю родном и чужом
Им шепчут мои заклинанья,
И шепчут моим языком.

В мой берег бьющее море
И зелень моих полей
Дарует силу и гордость
Душам моих детей.

Значенье моих столетий
Я им разъясню до конца,
И глаза их наполню слезами,
Познанием наполню сердца.

THE GIPSY TRAIL

THE white moth to the closing bine,
The bee to the opened clover,
And the gipsy blood to the gipsy blood
Ever the wide world over.

Ever the wide world over, lass,
Ever the trail held true,
Over the world and under the world,
And back at the last to you.

Out of the dark of the gorgio camp,
Out of the grime and the gray
(Morning waits at the end of the world),
Gipsy, come away!

The wild boar to the sun-dried swamp,
The red crane to her reed,
And the Romany lass to the Romany lad
By the tie of a roving breed.

The pied snake to the rifted rock,
The buck to the stony plain,
And the Romany lass to the Romany lad,
And both to the road again.

Both to the road again, again!
Out on a clean sea-track—
Follow the cross of the gipsy trail
Over the world and back!
Follow the Romany patteran
North where the blue bergs sail,
And the bows are gray with the frozen spray,
And the masts are shod with mail.

Follow the Romany patteran
Sheer to the Austral Light,
Where the besom of God is the wild South wind,
Sweeping the sea-floors white.

Follow the Romany patteran
West to the sinking sun,
Till the junk-sails lift through the houseless drift,
And the east and the west are one.

ЦЫГАНСКАЯ ТРОПА

На темный хмель летит мотылек,
На светлый клевер - пчела,
Но к цыганской крови цыганскую кровь
Отвеку судьба вела.
К цыганской крови - цыганскую кровь!
Отвеку покорна судьбе,
Весь мир обойдет бродяжья тропа,
И снова вернется к тебе.

Из темных селений оседлых людей,
Где грязь да серый туман -
Рассвет зовет за край земли -
Уходи, уходи, цыган!

К подсохшим болотам - вебрь лесной,
Красный журавль - в камыши,
Но цыганка - только к цыгану,
На зов бродяжьей души!
Змея - к растресканным скалам,
Олень - на простор степной,
Но цыганка - только к цыгану,
И - вместе тропой одной.

Тропой одной, вдвоем, вдвоем,
Мы в ясном просторе морском
По всем перекресткам цыганской судьбы
Мир обойдем кругом!

Будь верен судьбе цыганской
Там, где айсбергов синий ад,
Где борта кораблей смерти белей,
И мерзлые снасти скрипят.
Будь верен судьбе цыганской
Под блеском Южных Планет,
Где ветер ночной Господней метлой
Заметает полярный свет.
Будь верен судьбе цыганской
Где закат уходит на дно,
И на рыжей волне джонки пляшут в огне,
А Восток и Запад - одно...

Follow the Romany patteran
East where the silence broods
By a purple wave on an opal beach
In the hush of the Mahim woods.

“The wild hawk to the wind-swept sky,
The deer to the wholesome wold,
And the heart of a man to the heart of a maid,
As it was in the days of old.”

The heart of a man to the heart of a maid—
Light of my tents, be fleet.
Morning waits at the end of the world,
And the world is all at our feet!

Будь верен судьбе цыганской
Там, где молкнут все голоса,
И опаловый зной сдавил тишиной
Магнолиевые леса.

Ястреб - в ясное небо,
В глухие заросли - лось,
Но мужское сердце - к женскому сердцу,
Отвеку так повелось,
Мужское сердце к женскому сердцу...
Скорей догорай, мой костер!
Рассвет зовет - он целый мир
У наших ног распростер!

THE OLDEST SONG

"For before Eve was Lilith."—OLD TALES.

"THESE were never your true love's eyes.
Why do you feign that you love them?
You that broke from their constancies,
And the wide calm brows above them!

This was never your true love's speech.
Why do you thrill when you hear it?
You that have ridden out of its reach
The width of the world or near it!

This was never your true love's hair,—
You that chafed when it bound you
Screened from knowledge or shame or care,
In the night that it made around you!"

"All these things I know, I know.
And that's why my heart is breaking!"
"Then what do you gain by pretending so?"
"*The joy of an old wound waking.*"

САМАЯ СТАРАЯ ПЕСНЯ

" Ибо прежде Евы была Лилит"
Апокриф

Никогда не любил ты эти глаза,
Зачем же лжешь ты ей?
Ты только вломился в их тишину,
Скомкал волну бровей!

Никогда не любил ты и голос ее,
Откуда же эта дрожь?
Ты к словам ее безнадежно глух,
И никогда не поймешь...

И волосы эти ты не любил...
Что ж, уткнись в них лицом, и молчи:
Все тревоги твои, и догадки, и стыд
Спрячутся в их ночи...

Знаю, что душу должен разбить
Жалкий самообман,
Но не могу не разбередить
Радости старых ран!

THE WAY THROUGH THE WOODS

THEY shut the road through the woods
Seventy years ago.
Weather and rain have undone it again,
And now you would never know
There was once a road through the woods
Before they planted the trees.
It is underneath the coppice and heath
And the thin anemones.
Only the keeper sees
That, where the ring-dove broods,
And the badgers roll at ease,
There was once a road through the woods.

Yet, if you enter the woods
Of a summer evening late,
When the night-air cools on the trout-ringed pools
Where the otter whistles his mate,
(They fear not men in the woods,
Because they see so few.)
You will hear the beat of a horse's feet,
And the swish of a skirt in the dew,
Steadily cantering through
The misty solitudes,
As though they perfectly knew
The old lost road through the woods. . . .
But there is no road through the woods.

ДОРОГА В ЛЕСУ

Провели дорогу в лесу
Семьдесят лет назад.
Но ее потом размывало дождем,
Засыпал ее листопад,
Деревья на ней выросли в лесу,
И вся зацвела она мхом,
Распустились на ней лопухи и репей,
Завалил ее бурелом;
И лесничий, идя в обход,
Прошмыгнувшую видит лису,
Да играет в траве енот,
Где была дорога в лесу.

Но под вечер, если в лесу
Случится бродить иногда,
Когда воздух чист и выдры свист
Доносится из пруда
/Она не боится людей в лесу:
Редко кто у пруда сидит/
То порой различишь сквозь вечернюю тишь
В урочище цокот копыт,
Да юбка шуршит за кустом,
Отряхивая росу,
Как будто здесь чей-то дом,
У этой дороги в лесу...

Но нет дороги в лесу.

BELTS

THERE was a row in Silver Street that's near to Dublin Quay,
Between an Irish regiment an' English cavalree;
It started at Revelly an' it lasted on till dark:
The first man dropped at Harrison's, the last forninst the Park.

For it was:—"Belts, belts, belts, an' that's one for you!"
An' it was "Belts, belts, belts, an' that's done for you!"
O buckle an' tongue
Was the song that we sung
From Harrison's down to the Park!

There was a row in Silver Street—the regiments was out,
They called us "Delhi Rebels," an' we answered "Threes about!"
That drew them like a hornets' nest—we met them good an' large,
The English at the double an' the Irish at the charge.
Then it was:—"Belts, &c."

There was a row in Silver Street—an' I was in it too;
We passed the time o' day, an' then the belts went whirraru!
I misremember what occurred, but, subsequint the storm,
A *Freeman's Journal Supplemint* was all my uniform.
O it was:—"Belts, &c."

There was a row in Silver Street—they sent the Polis there,
The English were too drunk to know, the Irish didn't care;
But when they grew impertinint we simultaneous rose,
Till half o' them was Liffey mud an' half was tattered clo'es.
For it was:—"Belts, &c."

There was a row in Silver Street—it might ha' raged till now,
But some one drew his side-arm clear, an' nobody knew how;
'Twas Hogan took the point an' dropped; we saw the red blood run:
An' so we all was murderers that started out in fun.
While it was: "Belts, &c."

Б Л Я Х И

Мы подрались на Силвер-стрит:сошлись среди бульвара
С ирландскими гвардейцами английские гусары.
У Гаррисона началось,потом пошли на реку,
И,снявши портупей,мы выдали им крепко.

*Звон блях,блях,блях - грязные скоты!
Звон блях,блях,блях - получай и ты!
Звон блях!
Тррах!Тррах!
Удар,удар,удар!
Пускай ремни свистят на весь бульвар!*

Мы подрались на Силвер-стрит:схватились два полка.
Такого,верно,в Дублине не видели пока.
"Индусские ублюдки!"- ирландцы нам кричали.
"Эй,тыловые крысы!" - кричали англичане.

Мы подрались на Силвер-стрит,и я был в этом деле.
Там на бульваре вечером - зззых! - ремни свистели!
Не помню,чем все началось,но помню,что к рассвету
Я был заместо формы одет в одни газеты.

Мы подрались на Силвер-стрит,и нас патруль застукал.
Мы чересчур перепились,нас заедала скука.
Ирландцев морды постные нам чем-то не понравились:
Одних мы в реку сбросили,с другими так расправились.

Мы подрались на Силвер-стрит...дрались бы и сейчас,
Да тут револьвер на беду схватил один из нас.
/Я знаю,это Хуган был./ Мы смотрим:лужа крови...
Хотели поразмяться,и парня вот угробили...

There was a row in Silver Street—but that put down the
shine,
Wid each man whisperin' to his next:—" 'Twas never work
o' mine!"
We went away like beaten dogs, an' down the street we bore
him,
The poor dumb corpse that couldn't tell the bhoys were sorry
for him.
When it was:—" Belts, &c."

There was a row in Silver Street—it isn't over yet,
For half of us are under guard wid punishments to get;
'Tis all a merricle to me as in the Clink I lie:
There was a row in Silver Street—begod, I wonder why!
But it was:—" Belts, belts, belts, an' that's one for
you!"
An' it was " Belts, belts, belts, an' that's done for
you!"
O buckle an' tongue
Was the song that we sung
From Harrison's down to the Park!

Мы подрались на Силвер-стрит, и выстрел кончил драку,
И каждый чувствовал себя побитою собакой.

Беднягу унесли; мы все клялись: "не я стрелял!",

И как нам было жаль его, он так и не узнал.

Мы подрались на Силвер-стрит - еще не кончен бал:

В кутузке многие сейчас, пойдут под трибунал.

И я вот тоже на губе сижу с опухшей рожей.

Мы подрались на Силвер-стрит - но чорт! Из-за чего же?

Звон блях, блях, блях - грязные скоты!

Звон блях, блях, хлях - получай и ты!

Звон блях!

Тррах! Тррах!

Удар! Удар! Удар!

Пускай ремни свистят на весь бульвар!

A CODE OF MORALS

Now Jones had left his new-wed bride to keep his house
in order,
And hied away to the Hurrum Hills above the Afghan border,
To sit on a rock with a heliograph; but ere he left he taught
His wife the working of the Code that sets the miles at
naught.

And Love had made him very sage, as Nature made her fair;
So Cupid and Apollo linked, *per* heliograph, the pair.
At dawn, across the Hurrum Hills, he flashed her counsel
wise—
At e'en, the dying sunset bore her husband's homilies.

He warned her 'gainst seductive youths in scarlet clad and
gold,
As much as 'gainst the blandishments paternal of the old;
But kept his gravest warnings for (hereby the ditty hangs)
That snowy-haired Lothario, Lieutenant-General Bangs.

'Twas General Bangs, with Aide and Staff, who tittupped on
the way,
When they beheld a heliograph tempestuously at play.
They thought of Border risings, and of stations sacked and
burnt—
So stopped to take the message down—and this is what they
learnt—

“Dash dot dot, dot, dot dash, dot dash dot” twice. The
General swore.
“Was ever General Officer addressed as ‘dear.’ before?
“‘My Love,’ i’ faith! ‘My Duck,’ Gadzooks! ‘My
darling popsy-wop!’
“Spirit of great Lord Wolseley, *who* is on that mountain-
top?”

The artless Aide-de-camp was mute, the gilded Staff were
still,
As, dumb with pent-up mirth, they booked that message
from the hill;
For clear as summer lightning-flare, the husband's warning
ran:—
“Don't dance or ride with General Bangs—a most immoral
man.”

ШИФР НРАВСТВЕННОСТИ

Оставив юную жену хозяйничать по дому,
Уехал Джонс на горный пост к афганскому кордону
Там гелиограф был, и Джонс жене растолковал
Сигнальный шифр, чтоб ей с горы слать нежные слова.

Любовь ему вручила ум, ей - красоту Природа,
И гелиограф их связал в честь Феба и Эроса.
Джон наставленья слал жене, когда вставал рассвет,
И на закате тоже слал супружеский привет.

Он ей твердил: страшись юнцов, внушающих соблазны,
И льстивых лживых стариков с отеческою лаской.
Но подозрительнее всех для Джонса, говорят,
Был генерал-полковник Бенгс, заслуженный солдат.

Ущельем как-то ехал Бенгс, с ним штаб и адъютанты.
Вдруг видят: гелиограф с гор сигналит беспрестанно.
Он подумал: мятеж! Туземцы жгут посты!
Остановились и прочли шифровку с высоты:

"Тире и точка и тире; тире, тире и точка..."
О черт! Давно ли генерал стал нежным ангелочком?
"Мой птенчик... Козочка моя... Мой свет... моя звезда..."
О, дух милорда Уолсли! Кто сумел попасть туда?

И штаб как вкопанный застыл, и адъютант опешил,
Все стали, сдерживая смех, записывать депешу.
Джонс посылал своей жене супружеский завет:
"Не знайся с Бенгсом, ибо он - распутный человек!"

[At dawn, across the Hurrum Hills, he flashed her counsel
wise—

But, howsoever Love be blind, the world at large hath eyes.]
With damnatory dot and dash he heliographed his wife
Some interesting details of the General's private life.

The artless Aide-de-camp was mute, the shining Staff were
still,

And red and ever redder grew the General's shaven gill.

And this is what he said at last (his feelings matter not):—

“I think we've tapped a private line. Hi! Threes about
there! Trot!”

All honour unto Bangs, for ne'er did Jones thereafter know
By word or act official who read off that helio.

But the tale is on the Frontier, and from Michni to Mooltan
They know the worthy General as “that most immoral
man.”

И гелиографом с горы безжалостно сигнали,
Из жизни Бенгса сообщал интимные детали;
Тире и точками жене он мудрый слал наказ...
Но хоть Любовь порой слепа, у мира - много глаз.

И штаб, как вкопанный, застыл, и адъютант опешил,
И генерал в седле краснел, читая, как он грешен;
И наконец промолвил он - что думал он, не в счет -
- Все это - частный разговор. Кррругом! В галоп! Вперед!

И к чести Бенгса, Джонсу он ни словом ни взысканьем
Не дал понять, что прочитал в горах его посланье.
Но всем известно - от долин до пограничных вех, -
Что многочтимый генерал - распутный человек.

MY RIVAL

I GO to concert, party, ball—
What profit is in these?
I sit alone against the wall
And strive to look at ease.
The incense that is mine by right
They burn before Her shrine;
And that's because I'm seventeen
And she is forty-nine.

I cannot check my girlish blush,
My colour comes and goes.
I redden to my finger-tips,
And sometimes to my nose.
But She is white where white should be,
And red where red should shine.
The blush that flies at seventeen
Is fixed at forty-nine.

I wish I had her constant cheek:
I wish that I could sing
All sorts of funny little songs,
Not quite the proper thing.
I'm very *gauche* and very shy,
Her jokes aren't in my line;
And, worst of all, I'm seventeen
While She is forty-nine.

The young men come, the young men go,
Each pink and white and neat,
She's older than their mothers, but
They grovel at Her feet.
They walk beside Her '*rickshaw*-wheels—
None ever walk by mine;
And that's because I'm seventeen
And She is forty-nine.

She rides with half a dozen men
(She calls them "boys" and "mashes"),
I trot along the Mall alone;
My prettiest frocks and sashes
Don't help to fill my programme-card,
And vainly I repine
From ten to two A.M. Ah me!
Would I were forty-nine.

МОЯ СОПЕРНИЦА

Я езджу в оперу, на бал -
Но это ни к чему:
Я все одна, и до меня
Нет дела никому,
Не мне, а только ей одной
Все фишиам кадят,
Затем, что мне семнадцать лет,
А ей - под пятьдесят.

Я то бледна, то вспыхну вдруг
До кончиков волос,
Краснеют щеки у меня,
А часто даже нос.
У ней же краски на лице
Где надо, там лежат:
Румянец прочен у того,
Кому под пятьдесят.

Я не могу себя подать,
Всегда я так скромна!
О, если б только я могла
Смеяться как она,
И петь все то, что я хочу, -
Не то, что мне велят!
Но мне всего семнадцать лет,
А ей - под пятьдесят.

Вниманья молодых людей не привлекаю я
Не привлекаю я,
А с ней танцуют те, кто ей
годится в сыновья.
Берем мы рикшу - лишь за ней
Любой побегать рад:
Ведь мне всего семнадцать лет,
А ей - под пятьдесят.

Своих любовников она
Мальчишками зовет,
Но к ней всегда мужчины льнут -
Ко мне никто не льнет.
И как бы ни оделась я
На бал, на маскарад -
Я все одна... Скорей бы мне
Уж было пятьдесят!

She calls me "darling," "pet," and "dear,"
And "sweet retiring maid."
I'm always at the back, I know—
She puts me in the shade.
She introduces me to men—
"Cast" lovers, I opine;
For sixty takes to seventeen,
Nineteen to forty-nine.

But even She must older grow
And end Her dancing days,
She can't go on for ever so
At concerts, balls, and plays.
One ray of priceless hope I see
Before my footsteps shine;
Just think, that She'll be eighty-one
When I am forty-nine!

Она добра ко мне, но я
При ней в тени всегда.
Она с мужчинами меня
Знакомит иногда,

Но разговаривать со мной
Лишь старики хотят,
А молодые рвутся к ней -
Ведь ей под пятьдесят!

Но ей не вечно танцевать!
Года возьмут свое!
Толпы поклонников уже
Не будет у нее!
И отыграюсь я тогда,
Пленяя всех подряд:
Ей будет восемьдесят два,
А мне - под пятьдесят.

TOMLINSON

Now Tomlinson gave up the ghost at his house in
Berkeley Square,
And a Spirit came to his bedside and gripped him by the
hair—
A Spirit gripped him by the hair and carried him far away,
Till he heard as the roar of a rain-fed ford the roar of the
Milky Way:
Till he heard the roar of the Milky Way die down and drone
and cease,
And they came to the Gate within the Wall where Peter holds
the keys.
“Stand up, stand up now, Tomlinson, and answer loud and
high
“The good that ye did for the sake of men or ever ye came to
die—
“The good that ye did for the sake of men on little Earth so
lone!”
And the naked soul of Tomlinson grew white as a rain-
washed bone.
“O I have a friend on Earth,” he said, “that was my priest
and guide,
“And well would he answer all for me if he were at my
side.”
—“For that ye strove in neighbour-love it shall be written
fair,
“But now ye wait at Heaven’s Gate and not in Berkeley
Square:
“Though we called your friend from his bed this night, he
could not speak for you,
“For the race is run by one and one and never by two and
two.”
Then Tomlinson looked up and down, and little gain was
there,
For the naked stars grinned overhead, and he saw that his
soul was bare.
The Wind that blows between the Worlds, it cut him like a
knife,
And Tomlinson took up the tale and spoke of his good in
life.

Т О М Л И Н С О Н

В собственном доме на Беркли-сквер
отдал концы Томлинсон.
Явился дух, и мертвеца
взял за волосы он,
Ухватил покрепче, во весь кулак,
чтоб сподручней было нести,
Через дальний брод, где поток ревет
на бурном млечном пути.
Но вот и Млечный путь отгудел -
все глуше, дальше, слабей...
Вот и Петр Святой стоит у ворот
со связкою ключей:
"А ну-ка, на ноги встань, Томлинсон,
будь откровенен со мной:
Что доброе сделал ты для людей
в юдоли твоей земной?
Что доброе сделал ты для людей,
чем прославил свой дом?"
И стала голая душа
блее, чем кость под дождем.
"Был друг у меня, - сказал Томлинсон, -
наставник и духовник,
Он бы ответил за меня,
когда бы сюда проник..."
"Ну, то, что друга ты возлюбил -
отличнейший пример,
Но мы с тобой у Райских Врат -
а это - не Беркли-сквер!
И пусть бы с постелей подняли мы
всех знакомых твоих -
Но каждый в забеге - сам за себя,
никто не бежит за двоих!"
И оглянулся Томлинсон:
ах, не видать никого!
Только колючие звезды смеются
над голлой душой его...
Был ветер, веющий меж миров,
как нож ледяной вотьмах...
И стал рассказывать Томлинсон
о добрых своих делах:

"O this I have read in a book," he said, "and that was told
 to me,
 "And this I have thought that another man thought of a
 Prince in Muscovy."
 The good souls flocked like homing doves and bade him clear
 the path,
 And Peter twirled the jangling Keys in weariness and
 wrath.
 "Ye have read, ye have heard, ye have thought," he said,
 "and the tale is yet to run:
 "By the worth of the body that once ye had, give answer—
 what ha' ye done?"
 Then Tomlinson looked back and forth, and little good it
 bore,
 For the darkness stayed at his shoulder-blade and Heaven's
 Gate before:—
 "O this I have felt, and this I have guessed, and this I have
 heard men say,
 "And this they wrote that another man wrote of a carl in
 Norrway."
 "Ye have read, ye have felt, ye have guessed, good lack!
 Ye have hampered Heaven's Gate;
 "There's little room between the stars in idleness to pratel
 "For none may reach by hired speech of neighbour, priest,
 and kin
 "Through borrowed deed to God's good meed that lies so
 fair within;
 "Get hence, get hence to the Lord of Wrong, for the doom
 has yet to run,
 "And . . . the faith that ye share with Berkeley Square
 uphold you, Tomlinson!"
 The Spirit gripped him by the hair, and sun by sun they
 fell
 Till they came to the belt of Naughty Stars, that rim the
 mouth of Hell.
 The first are red with pride and wrath, the next are white
 with pain,
 But the third are black with clinkered sin that cannot burn
 again.
 They may hold their path, they may leave their path, with
 never a soul to mark:

"Об этом читал я, а это мне
 передавали не раз,
А это я думал, что кто-то узнал,
 будто некий московский князь..."

Добрые души, как голубки
 порхали над светлой тропой,
А Петр забрякал связкой ключей,
 от ярости сам не свой:
Ты читал, ты слышал, ты узнал... - молвил он, -
 речь твоя полна суеты,
Но во имя тела, что было твоим,
 скажи мне, что сделал ты?!!"

И вновь оглянулся Томлинсон,
 и кругом была пустота,
За плечами - мрак, впереди, как маяк
 Райские Врата...

"Я полагал, что наверное так,
 и даже помню слегка,
Что писали, будто кто-то писал
 про норвежского мужика..."

"Ты читал, представлял, полагал - добро!
 Отойди-ка от Райских Врат:
Тут слишком тесно, чтоб так торчать,
 болтая про все подряд.
Речами, что одолжили тебе
 соседи, священник, друзья,
Делами, взятыми напрокат
 и блаженства достичь нельзя!
Пошел-ка ты, знаешь... к Владыке Тьмы!
 изначально ты осужден,
Разве что вера Беркли-сквера
 поддержит тебя, Томлинсон!"

.....

Вновь за волосы дух его взял,
 и от солнца к солнцу понес,
Понес его к главному входу в Ад,
 сквозь скопища скорбных звезд.
Одни от гордыни красней огня,
 другие от боли белы,
А третьи черны, как черный грех,
 незримые Звезды Мглы.
Где путь их лежит, не сошли ли с орбит -
 душа не видит ничья -

They may burn or freeze, but they must not cease in the
 Scorn of the Outer Dark.
 The Wind that blows between the Worlds, it nipped him to
 the bone,
 And he yearned to the flare of Hell-gate there as the light of
 his own hearth-stone.
 The Devil he sat behind the bars, where the desperate legions
 drew,
 But he caught the hasting Tomlinson and would not let him
 through.
 "Wot ye the price of good pit-coal that I must pay?"
 said he,
 "That ye rank yoursel' so fit for Hell and ask no leave of
 me?
 "I am all o'er-sib to Adam's breed that ye should give me
 scorn,
 "For I strove with God for your First Father the day that he
 was born.
 "Sit down, sit down upon the slag, and answer loud and
 high
 "The harm that ye did to the Sons of Men or ever you came
 to die."
 And Tomlinson looked up and up, and saw against the
 night
 The belly of a tortured star blood-red in Hell-Mouth
 light;
 And Tomlinson looked down and down, and saw beneath his
 feet
 The frontlet of a tortured star milk-white in Hell-Mouth
 heat.
 "O I had a love on earth," said he, "that kissed me to my
 fall;
 "And if ye would call my love to me I know she would
 answer all."
 —"All that ye did in love forbid it shall be written fair,
 "But now ye wait at Hell-Mouth Gate and not in Berkeley
 Square:
 "Though we whistled your love from her bed to-night, I
 trow she would not run,
 "For the sin ye do by two and two ye must pay for one by
 one!"

Их мрак ледяной отрезал стеной
от всех пространств Бытия!
И ветер, веющий меж миров,
просвистал мертвеца до костей.
Так хотелось в Ад, на огни его Врат -
словно в двери спальни своей!
Дьявол сидел меж отчаянных душ
- а был их там легион -
Но Томлинсона за шлахтаум
впустить отказался он:
"Ты разве не слышал, что антрацит
дорожает день ото дня?
Да и кто ты такой, чтобы в пекло лезть
ко мне - не спросясь меня?
Ведь как-никак я - Адаму свояк!
И вот - презренье людей
Терплю, хоть за предка вашего дрался
с наипервейших дней!
Давай, приземлись вотна этот шлак,
но будь откровенней со мной:
Какое зло ты творил и кому
в жизни твоей земной?/
И поднял голову Томлинсон
и увидел в ночи
Замученной красно-кравовой звезды
изломанные лучи.
И наклонился вниз Томлинсон
и разглядел во мгле
Замученной бледно-молочной звезды
свет на белом челе...
"Любил я женщину, - молвил он, -
и в грех меня ввергла она.
Она бы ответила за меня,
если истина вам нужна..."
"Ну, то что ты не устоял - отличнейший пример,
Но мы с тобой у Адских Врат -
а это - не Беркли сквер!
Пусть бы мы высвистали сюда
всех потаскушек твоих -
Но всяк за свой отвечает грешок,
а по твоему - одна за двоих?"

The Wind that blows between the Worlds, it cut him like a
knife,
And Tomlinson took up the tale and spoke of his sins in
life:—

“ Once I ha’ laughed at the power of Love and twice at the
grip of the Grave,
“ And thrice I ha’ patted my God on the head that men
might call me brave.”

The Devil he blew on a brandered soul and set it aside to
cool:—

“ Do ye think I would waste my good pit-coal on the hide of
a brain-sick fool?
“ I see no worth in the hobnailed mirth or the jolthead jest ye
did
“ That I should waken my gentlemen that are sleeping three
on a grid.”

Then Tomlinson looked back and forth, and there was little
grace,
For Hell-Gate filled the houseless soul with the Fear of
Naked Space.

“ Nay, this I ha’ heard,” quo’ Tomlinson, “ and this was
noised abroad,
“ And this I ha’ got from a Belgian book on the word of a
dead French lord.”

—“ Ye ha’ heard, ye ha’ read, ye ha’ got, good lack! and the
tale begins afresh—

“ Have ye sinned one sin for the pride o’ the eye or the
sinful lust of the flesh? ”

Then Tomlinson he gripped the bars and yammered, “ Let
me in—

“ For I mind that I borrowed my neighbour’s wife to sin the
deadly sin.”

The Devil he grinned behind the bars, and banked the fires
high:

“ Did ye read of that sin in a book? ” said he; and Tomlinson
said, “ Ay! ”

The Devil he blew upon his nails, and the little devils ran,
And he said: “ Go husk this whimpering thief that comes in
the guise of a man:

Был ветер, веющий меж миров,
как нож ледяной впотьмах...
И стал рассказывать Томлинсон
о грешных своих делах:
"Я раз посмеялся над верой в любовь,
два раза - над тайной могил,
Я трижды Богу шиш показал!
Почти вольнодумцем прослыл!"
Дьявол подул на кипящую душу,
оставил, и молвил так:
Думаешь мне уголька не жаль,
чтоб жарить тебя, дурак?
Грешки-то грошевые! Экий болван!
Ты не стоишь и меньших затрат:
Я даже не стану будить джентльменов,
что на жаровнях спят!
И огляделся Томлинсон,
страшна была пустота,
Откуда летели бездомные души
как на маяк, на Врата...
"...Так вот, я слышал, - прошептал Томлинсон, -
что в Бельгии кто-то читал,
О том, что покойный французский грах
кому-то такое сказал..."
"Слышал, говорил, читал - к чертям!
Мне б что-нибудь посвежей:
Хоть один грешок, что ты совершил
ради собственной плоти своей!
И трясся шлахтаум, Томлинсон
в отчаяньи завопил:
Нупусти же! Когда-то супругу соседа
кажется я соблазнил..."
Ухмыльнулся Дьявол, и взяв кочергу
в топке пошуровал:
"Ты в книжке вычитал этот грех?"
О, да... - Томлинсон прошептал.
Дьявол подул на ногти, и вот-
бегут бесенята толпой:
"На мельницу хнычущего мудака,
укравшего облик людской!"

"Winnow him out 'twixt star and star, and sieve his proper
 worth:
 "There's sore decline in Adam's line if this be spawn of
 Earth."
 Empusa's crew, so naked-new they may not face the fire,
 But weep that they bin too small to sin to the height of their
 desire,
 Over the coal they chased the Soul, and racked it all
 abroad;
 As children rifle a caddis-case or the raven's foolish hoard.
 And back they came with the tattered Thing, as children
 after play,
 And they said: "The soul that he got from God he has
 bartered clean away.
 "We have threshed a stook of print and book, and winnowed
 a chattering wind,
 "And many a soul, wherefrom he stole, but his we cannot
 find.
 "We have handled him, we have dandled him, we have
 seared him to the bone,
 "And, Sire, if tooth and nail show truth he has no soul of his
 own."
 The Devil he bowed his head on his breast and rumbled deep
 and low:—
 "I'm all o'er-sib to Adam's breed that I should bid him
 go.
 "Yet close we lie, and deep we lie, and if I gave him
 place,
 "My gentlemen that are so proud would flout me to my
 face:
 "They'd call my house a common stews and me a careless
 host,
 "And—I would not anger my gentlemen for the sake of a
 shiftless ghost."
 The Devil he looked at the mangled Soul that prayed to feel
 the flame,
 And he thought of Holy Charity, but he thought of his own
 good name:—
 "Now ye could haste my coal to waste, and sit ye down to
 fry.
 "Did ye think of that theft for yourself?" said he; and
 Tomlinson said, "Ay!"
 The Devil he blew an outward breath, for his heart was free
 from care:—
 "Ye have scarce the soul of a louse," he said, "but the roots
 of sin are there,

Прокрутите его в жерновах двух звезд,
 да отсейте от плевел зерно:
 Ведь адамов род в цене упадет,
 если примем мы это говно!"

Команды бесят, что в огонь не глядят
 и бегают нагишом,
 И особенно злы, что недоросли,
 чтоб работать над крупным грехом,
 Гоняли по угольям душу его,
 все в ней перерыли вверх дном.

Так возьмется дети с коробкой конфет,
 или с вороньим гнездом.
 Привели обратно - мертвец - не мертвец,
 ключья старых мочал!

"Душу, которую дал ему Бог,
 на что-нибудь он променял:
 Мы - когтями его, мы - зубами его,
 мы углями его до костей -
 Но сами не верим зенкам своим:
 ну нет в нем души своей!"

И голову горько склонив на грудь,
 стал Дьявол рассуждать:
 "Ведь как-никак я - Адаму свояк!
 Ну как мне его прогнать?
 Но тесно у нас, нету места у нас:
 ведь мы на такой глубине!
 А пусти я его - и мои же джентльмены
 в рожу зафыркают мне:
 И весь мой Дом назовут Бардаком,
 и меня будут лаять вслух...

А ради чего? Нет, не стоит того
 один бесполезный дух!"

И долго Дьявол глядел, как рванина
 бредила адским огнем...
 Милосердным быть! Но как сохранить
 доброе имя при том?

"Конечно, транжирить мой антрацит,
 и жариться вечно б ты мог,
 Если сам додумался до плагиата.. "

"Да, да!!! - Томлинсон изрек.
 Тут облегченно Дьявол вздохнул:
 "Пришел ты с душой вши,
 Но все же таится зародыш греха
 в этом подобьи души!

" And for that sin should ye come in were I the lord alone,
 " But sinful pride has rule inside—ay, mightier than my
 own.
 " Honour and Wit, fore-damned they sit, to each his Priest
 and Whore;
 " Nay, scarce I dare myself go there, and you they'd torture
 sore.
 " Ye are neither spirit nor spirk," he said; " ye are neither
 book nor brute—
 " Go, get ye back to the flesh again for the sake of Man's
 repute.
 " I'm all o'er-sib to Adam's breed that I should mock your
 pain,
 ' But look that ye win to worthier sin ere ye come back
 again.
 " Get hence, the hearse is at your door—the grim black
 stallions wait—
 " They bear your clay to place to-day. Speed, lest ye come
 too late!
 " Go back to Earth with a lip unsealed—go back with an open
 eye,
 " And carry my word to the Sons of Men or ever ye come to
 die:
 " That the sin they do by two and two they must pay for one
 by one,
 " And . . . the God that you took from a printed book
 be with you, Tomlinson!"

И за него тебя одного...
 как исключенье...ей-ей...
Но ведь я не один в Аду господин:
 Гордыня - грехов сильней!
Хоть местечко и есть, там, где Разум и Честь
 /поп да шляха всегда тут как тут! -
Но я и сам не бываю там!
 а тебя - в порошок сотрут!
Ты не дух и не гном, -так Дьявол сказал, -
 и не книга ты и не скот -
Иди-ка ты...влезь в свою прежнюю плоть,
 не позорь ты земной народ!
Ведь как-никак я - Адаму свояк!
 не смеюсь над бедой твоей!

Но смотри: если снова решишься прийти -
 припаси грехи покрупней!
Убирайся скорей: у твоих дверей -
 катафалк с четверкой коней!
Берегись опаздать: могут труп закопать -
 что же будет с душкой твоей?
Убирайся домой, живи, как все,
 ни рта ни глаз не смыкай,
И СЛОВО МОЕ сыновьям Земли
 в точности передай:
Если двое грешат - кто в чем виноват,
 лишь за то и ответит он!"

И бумажный бог, что из книг ты извлек,
 да поможет тебе, Томлинсон!"

SONG OF THE GALLEY-SLAVES

WE PULLED for you when the wind was against us and the sails were low.

Will you never let us go?

We ate bread and onions when you took towns, or ran aboard quickly when you were beaten back by the foe.

The Captains walked up and down the deck in fair weather singing songs, but we were below.

We fainted with our chins on the oars and you did not see that we were idle, for we still swung to and fro.

Will you never let us go?

The salt made the oar-handles like shark-skin; our knees were cut to the bone with salt-cracks; our hair was stuck to our foreheads; and our lips were cut to the gums, and you whipped us because we could not row.

Will you never let us go?

But, in a little time, we shall run out of the port-holes as the water runs along the oar-blade, and though you tell the others to row after us you will never catch us till you catch the oar-thresh and tie up the winds in the belly of the sail. Ahol

Will you never let us go?

ПЕСНЯ ГАЛЕРНЫХ РАБОВ

Мы гребли за вас и против течений и в штили,
когда паруса повисали, и когда с неба хлестала вода...

И вы не отпустите нас никогда?

Раньше вас мы взбегали на борт, если враг вас
преследовал, мы питались хлебом и луком, когда
вы захватывали богатые города.

Капитаны расхаживали по палубам в солнечную
погоду и распевали песни, а мы были в трюмах,
усталые, как всегда...

Мы слабели, на весла склоняясь подбородками,
но вы никогда не видали, чтоб мы отдыхали, ведь мы
продолжали раскачиваться в ритме весел туда и сюда...

И вы не отпустите нас никогда?

И вальки наших весел становились от соли как
шкура акулы, наши колени соль разъедала до самой
кости, наши волосы присыхали ко лбам, а губы изрезаны
были трещинами до самых десен, и мы не могли грести,
а вы плетью нас хлестали: мол, соль - не беда...

И вы не отпустите нас никогда?

Но в какой-нибудь миг мы исчезнем из весельных
портов, без следа, как сбегающая с лопастью весел
вода,

И пусть вы другим гребцам прикажете гнаться за нами,
но скорей вы изловите волны веслом, или шкотами
свяжете ветер, чем догоните нас. "Эй, куда?!!!"

И вы не отпустите нас никогда?

A PICT SONG

ROME never looks where she treads.
Always her heavy hooves fall
On our stomachs, our hearts or our heads;
And Rome never heeds when we bawl.
Her sentries pass on—that is all,
And we gather behind them in hordes,
And plot to reconquer the Wall,
With only our tongues for our swords.

We are the Little Folk—we!
Too little to love or to hate.
Leave us alone and you'll see
How we can drag down the State!
We are the worm in the wood!
We are the rot at the root!
We are the taint in the blood!
We are the thorn in the foot!

Mistletoe killing an oak—
Rats gnawing cables in two—
Moths making holes in a cloak—
How they must love what they do!
Yes—and we Little Folk too,
We are busy as they—
Working our works out of view—
Watch, and you'll see it some day!

No indeed! We are not strong,
But we know Peoples that are.
Yes, and we'll guide them along
To smash and destroy you in War!
We shall be slaves just the same?
Yes, we have always been slaves,
But you—you will die of the shame,
And then we shall dance on your graves!

We are the Little Folk, we, etc.

ПЕСНЯ ПИКТОВ

Рим идет вперед напролом,
Не глядит себе под ноги Рим,
Он нас топчет своим сапогом
И не слышит, как мы кричим.
Мы грозим ему из-за спины
И мечтаем во мраке ночей,
Что пойдем на осаду Стены
С кулаками против мечей.

Да, мы маленький слабый народ,
Мы не в силах ни славить ни клясть,
Но увидите - срок придет,
Свалим мы вашу гордую власть.
Мы - омела, что сушит дуб!
Мы - червяк, что вгрызается в гриб!
Мы - дупло, сверлящее зуб,
Мы - в пяту вонзившийся шип!

Моль в одежде дыру прогрызет,
Ржа раскрошит булатный меч,
Червь источит созревший плод,
Вам добро свое не сберечь!
Да, мы так же слабы, как они,
Незаметен и долог наш труд,
Но поверьте: настанут дни -
Ваши крепости вас не спасут.

Это верно, слабы мы сейчас,
Но другие народы сильны,
И мы их поведем на вас,
Чтоб спалить вас в огне войны.
Да, теперь мы только рабы,
И рабами мы будем опять,
Но мы вам сколотим гробы,
Чтоб на ваших могилах плясать!

COLD IRON

*"GOLD is for the mistress—silver for the maid—
Copper for the craftsman cunning at his trade."*
"Good!" said the Baron, sitting in his hall,
"But Iron—Cold Iron—is master of them all."

So he made rebellion 'gainst the King his liege,
Camped before his citadel and summoned it to siege.
"Nay!" said the cannoneer on the castle wall,
"But Iron—Cold Iron—shall be master of you all!"

Woe for the Baron and his knights so strong,
When the cruel cannon-balls laid 'em all along;
He was taken prisoner, he was cast in thrall,
And Iron—Cold Iron—was master of it all!

Yet his King spake kindly (ah, how kind a Lord!)
"What if I release thee now and give thee back thy sword?"
"Nay!" said the Baron, "mock not at my fall,
For Iron—Cold Iron—is master of men all."

*"Tears are for the craven, prayers are for the clown—
Halters for the silly neck that cannot keep a crown."*
"As my loss is grievous, so my hope is small,
For Iron—Cold Iron—must be master of men all!"

Yet his King made answer (few such Kings there be!)
"Here is Bread and here is Wine—sit and sup with me.
Eat and drink in Mary's Name, the whiles I do recall
How Iron—Cold Iron—can be master of men all!"

He took the Wine and blessed it. He blessed and brake the
Bread.
With His own Hands He served Them, and presently He
said:
"See! These Hands they pierced with nails, outside My
city wall,
Show Iron—Cold Iron—to be master of men all."

ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО

*"Серебро - для девушек, золото - для дам,
Медь исправно служит искусным мастерам".*

"Но, Господи, - сказал Барон, холл оглядев пустой, -
Холодному железу подвластен род людской!"

Против Короля он предательски восстал,
Замок сюзерена осадил вассал,
Но пушкарь на башне пробурчал: "Постой -
Железу, железу подвластен род людской!"

Горе и Барону и рыцарям его:
Безжалостные ядра не щадили никого,
Закован в цепи пленник, не шевельнуть рукой:
Холодному железу подвластен род людской!

Король сказал " Не хочется держать тебя в плену,
А что, если я отпущу тебя и меч тебе верну?
"О нет, - Барон ответил, - не смейся надо мной:
Холодному железу подвластен род людской.

*Слезы - для трусливого, просьбы - для глупца,
Петля - для шеи гнущейся под тяжестью венца.*
И мне не остается надежды никакой:
Холодному железу подвластен род людской!

Вновь обратился к нему Король - ах, мало
таких королей!

"Вот хлеб, вино, садись со мной,
спокойно ешь и пей!
Садись же во имя Марии, подумаем с тобой
Как может быть железу подвластен род людской!"

Благословил Он Хлеб и Вино, и тут же
Хлеб преломил
И Своей рукою подал ему, и тихо проговорил:
"Смотри! Мои руки, гвоздями пробиты
за стеной городской,
Они покажут, что вправду железу
подвластен род людской..

“ Wounds are for the desperate, blows are for the strong.
Balm and oil for weary hearts all cut and bruised with
wrong.

I forgive thy treason—I redeem thy fall—
For Iron—Cold Iron—must be master of men all! ”

*“ Crowns are for the valiant—sceptres for the bold!
Thrones and powers for mighty men who dare to take and
hold! ”*

“ Nay! ” said the Baron, kneeling in his hall,
“ But Iron—Cold Iron—is master of men all!
Iron out of Calvary is master of men all! ”

RUSSIA TO THE PACIFISTS

1918

GOD rest you, peaceful gentlemen, let nothing you
dismay,
But—leave your sports a little while—the dead are borne
this way!
Armies dead and Cities dead, past all count or care.
God rest you, merry gentlemen, what portent see you there?
Singing:—Break ground for a wearied host
That have no ground to keep.
Give them the rest that they covet most . . .
And who shall be next to sleep, good sirs,
In such a trench to sleep?

God rest you, peaceful gentlemen, but give us leave to
pass.
We go to dig a nation's grave as great as England was.
For this Kingdom and this Glory and this Power and this
Pride,
Three hundred years it flourished—in three hundred days it
died.
Singing:—Pour oil for a frozen throng
That lie about the ways.
Give them the warmth they have lacked so
long . . .
And what shall be next to blaze, good sirs,
On such a pyre to blaze?

God rest you, thoughtful gentlemen, and send your sleep is
light!
Remains of this dominion no shadow, sound, or sight,
Except the sound of weeping and the sight of burning fire,
And the shadow of a people that is trampled into mire.
Singing:—Break bread for a starving folk
That perish in the field.
Give them their food as they take the yoke . . .
And who shall be next to yield, good sirs,
For such a bribe to yield?

РОССИЯ - ПАЦИФИСТАМ

1918

Бог с вами, мирные джентльмены,
страха вам не понять.

Оставьте на минутку спорт, чтоб мертвых
не нарожать!

Мертвые армии и города, без счета и забот...

А что, беспечные господа, а что потом вас ждет?

Споем, что ли!

Землю вскопай для усталых солдат:

Нет ведь у них земли!

Отдайте им все, что они хотят!

А кто будет следующим, господа

За теми, кто в ямы легли?

Бог с вами, мирные джентльмены! Нам только
дорогу открой -

Пойдем копать народам могилы
с Англию величиной!

Британская слава, гордость и честь,

Волны семи морей -

Все, что сверкало триста лет

Сгинет за триста дней!

Споем, что ли?

Замерзшие толпы бензином польем,

Пусть хоть в последнем сне

Малось прогреется бедный народ...

А кто будет следующим, господа,

Гореть в погребальном огне?

Бог с вам, мудрые джентльмены! Да будет легок
ваш сон!

Ни звука, ни вдоха, ни тени
не оставим для новых времен!

Разве что отзвуки плача, разве что вздохи огней,

Разве что бледные тени

втоптанных в грязь людей!

Споем, что ли!

Хлеба, хлеба голодным,

Тем, кто в бою падет!

Дайте им корм вместе с ярмом!

А кто же следующий, господа,

За похлебку в рабство пойдет?

God rest you, merry gentlemen, and keep you in your mirth!
Was ever Kingdom turned so soon to ashes, blood, and earth?
'Twixt the summer and the snow—seeding-time and frost—
Arms and victual, hope and counsel, name and country lost!
Singing:—*Let down by the foot and the head—
Shovel and smooth it all!
So do we bury a Nation dead . . .*
And who shall be next to fall, good sirs,
With your good help to fall?

Бог с вами, резвые джентльмены! Веселитесь
в своем углу,
Когда превратим Британию
в мусор, кровь и золу:
Ни оружия, ни надежды,
ни жратвы, ни зимы, ни весны -
Останется разве что имя
канувшей в Лету страны!
Споем, что ли?
Головы, руки, ноги
Зароем, и пусть лежат!
Вот так мы хороним бывшую нацию...
А кто теперь пойдет, господа
С вашей мирной помощью в ад?

IF—

IF YOU can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired by waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise:

If you can dream—and not make dreams your master;
If you can think—and not make thoughts your aim;
If you can meet with Triumph and Disaster
And treat those two impostors just the same;
If you can bear to hear the truth you've spoken
Twisted by knaves to make a trap for fools,
Or watch the things you gave your life to, broken,
And stoop and build 'em up with worn-out tools:

If you can make one heap of all your winnings
And risk it on one turn of pitch-and-toss,
And lose, and start again at your beginnings
And never breathe a word about your loss;
If you can force your heart and nerve and sinew
To serve your turn long after they are gone,
And so hold on when there is nothing in you
Except the Will which says to them: "Hold on!"

If you can talk with crowds and keep your virtue,
Or walk with Kings—nor lose the common touch,
If neither foes nor loving friends can hurt you,
If all men count with you, but none too much;
If you can fill the unforgiving minute
With sixty seconds' worth of distance run,
Yours is the Earth and everything that's in it,
And—which is more—you'll be a Man, my son!

КОГДА...

Когда ты тверд, а весь народ растерян
И валит на тебя за это грех,
Когда никто кругом в тебя не верит -
Верь сам в себя, не презирая всех.
Умей не уставать от ожиданья,
И не участвуй во всеобщей лжи,
Не обращай на ненависть вниманья,
Но славой добряка не дорожи!

Когда из мысли не творишь кумира,
Мечтая, не идешь к мечте в рабы,
Сочтя всю славу и бесславье мира
Одним и тем же вывертом судьбы,
Молчишь, когда твои слова коража,
Плут мастерит капкан для дураков,
Когда все то, на что твой век положен,
Вновь собирать ты должен из кусков, -

Когда рискнешь, поставив на кон снова
Весь выигрыш, - и только для того,
Чтоб проиграть и ни единым словом
Не выдать сожаленья своего -
Когда назло усталости и боли
Заставишь сердце жизнь тащить твою,
Хотя в нем все иссякло, кроме воли,
Еще твердящей "нет" небытию, -

Когда толпе не льстишь улыбкой низкой,
А с королем не лезешь в короли,
И знаешь, что ни враг, ни друг твой близкий
Тебя ударить в спину не смогли,
Когда поняв, что время не прощает,
Секундной стрелкой мерешь скачку дней,
Тогда ты в мире истинный хозяин,
Тогда ты - ЛИЧНОСТЬ, что еще важней!

THE APPEAL

*IF I HAVE GIVEN YOU DELIGHT
BY AUGHT THAT I HAVE DONE,
LET ME LIE QUIET IN THAT NIGHT
WHICH SHALL BE YOURS ANON :*

*AND FOR THE LITTLE, LITTLE, SPAN
THE DEAD ARE BORNE IN MIND,
SEEK NOT TO QUESTION OTHER THAN
THE BOOKS I LEAVE BEHIND.*

П Р О С Ь Б А

КОЛЬ ДОБРЫМ СЛОВОМ НА ЗЕМЛЕ
ТЫ ТРУД ПОМЯНЕШЬ МОЙ,
ДАЙ МНЕ СПОКОЙНО СПАТЬ ВО МГЛЕ,
ГДЕ ВСТРЕЧУСЬ Я С ТОБОЙ.

ПСКА Я БУДУ НЕ ВПОЛНЕ
ЗАБЫТ СРЕДИ ЖИВЫХ,
ТЫ ВСЕ СУМЕЕШЬ ОБО МНЕ
УЗНАТЬ ИЗ КНИГ МОИХ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В.Бетаки.Гамлет с мечем Фортинбраса.....стр.5

С Т И Х И

Вступление к "Департаментским песням"	
/ пер.В.Бетаки/.....	13
Гомер сломал и бросил лиру.. /пер.В.Бетаки/.....	15
В эпоху неолита /пер.В.Бетаки/.....	17
Послание к сборнику "Семь морей" /пер.В.Бетаки/	21
Песнь Банджо. /пер.В.Бетаки/.....	23
Законы Джунглей /пер.В.Бетаки/.....	29
Женщины /пер.Г.Бена/.....	35
"Мир так хорош!" /пер.Г.Бена/.....	39
Мандалей /пер.В.Бетаки/.....	43
Зов возвращения /пер.Г.Бена/.....	47
Цыганская тропа /пер.В.Бетаки/.....	49
Самая старая песня /пер.В.Бетаки/.....	53
Дорога в лесу /пер.Г.Бена/.....	55
Бляхи /пер.Г.Бена/.....	57
Шифр нравственности /пер.Г.Бена/.....	61
Моя соперница /пер.Г.Бена/.....	65
Томлинсон /пер.В.Бетаки/.....	69
Песня галерных рабов /пер.В.Бетаки/.....	81
Песня пиктов /пер.Г.Бена/.....	83
Холодное железо /пер.В.Бетаки/.....	85
Россия - пацифистам.1918. /пер.В.Бетаки/.....	89
Когда... /пер.В.Бетаки/	93
Просьба /пер.Г.Бена/.....	95

